
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК/UDC 340/141(=512/144) "1635/1641"(093)

DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-7-13

Договор князей Келемета и Алупкача – древнейший памятник права кумыков (1635-1641)

5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки

Магомедзапир Нурмагомедович Абдуллаев¹, Тимирлан Магомедович Айтберов²

¹ Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

² Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Российская Федерация

¹ mnabdullaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2229-2599>

Аннотация. Данная статья посвящена анализу ранее не известного кавказоведам арабского текста Договора князей Келемета и Алупкача, рассматриваемого в качестве древнейшего памятника права кумыков (1635-1641). На основе впервые введенного в научный оборот документа исследуется правовая жизнь кумыков, в частности, населения владений Капчугай и Агач-аул, входящих в шамхальство Тарковское. Авторы отмечают, что Договор позволяет проследить в шамхальстве Тарковском археографическую письменную практику с XVII в., что явилось условием утверждения здесь традиции письменной фиксации права. При этом подчеркивается, что письменное закрепление существующих и вновь принимаемых норм местного права (ульгу) общин Тарковского шамхальства является фактором, отражающим уровень развития права и государственности дагестанских народов. Авторы приходят к выводу, что исследуемый Договор указывает на наиболее существенные для кумыкского населения дагестанского предгорья того времени преступления (кража, убийство) и регулирует внешние отношения кумыкских сел друг с другом. Сказанное может свидетельствовать о попытке установления сторонами единообразия судебной практики в регионе, вызванной необходимостью предотвращения конфликтов. Его основой, прежде всего, являются нормы обычного права Дагестана, для которых характерна казуистичная форма изложения: в документе подробно описываются действия, которые считаются нарушением, рассматриваются конкретные ситуации.

Ключевые слова: Дагестан, кумыки, Капчугай, Агач-аул, шамхальство Тарковское, Келемет, Алупкач, договор, обещание, памятник права, обычное право, адат, ольгу, убийство, кража, долг

Для цитирования: Абдуллаев М.Н., Айтберов Т.М. Договор князей Келемета и Алупкача – древнейший памятник права кумыков (1635-1641) // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 53, № 1 (73). С. 7–13. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-7-13

Original article

The Treaty of Princes Kelemet and Alupkach is the oldest monument of Kumyk law (1635-1641)

5.1.1 — Theoretical and historical legal sciences

Magomedzapir N. Abdullaev¹, Timirlan M. Aitberov²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russian Federation

¹ mnabdullaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2229-2599>

Abstract. This article is devoted to the analysis of the Arabic text of the Treaty of Princes Kelemet and Alupkach, previously unknown to Caucasian scholars, considered as the oldest monument of Kumyk law (1635-1641). Based on the document brought into scientific circulation for the first time, the legal life of the Kumyks, in particular the population of the Kapchugai and Agach-aul possessions, which are part of the Tarkovsky shamkhalstvo, is being investigated. The authors note that the Agreement allows us to trace the archaeological written practice in the Tarkovsky shamkhalstvo since the XVII century, which was a condition for the establishment of the tradition of written fixation of law here. At the same time, it is emphasized that the written consolidation of existing and newly adopted norms of local law (ulgu) of the Tarkovsky shamkhalstvo communities is a factor re-

flecting the level of development of law and statehood of the Dagestani peoples. The authors conclude that the Contract under study indicates the most significant crimes (theft, murder) and regulation for the Kumyk population of the Dagestan foothills of that time.

Keywords: Dagestan, kumyks, Kapchugai, Agach-aul, Tarkovsky shamkhalstvo, Kelemet, Alupkach, contract, promise, monument of law, customary law, adat, olga, murder, theft, debt

For citation: Abdullaev M.N., Aitberov T.M. The Treaty of Princes Kelemet and Alupkach is the oldest monument of Kumyk law (1635-1641). *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2025, vol. 53, no. 1 (73), pp. 7–13. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-7-13. (In Russ.).

Кумыки входят по численности своей в тройку трехмиллионного населения Дагестана, которое стабильно возрастает и сегодня, причем за счёт внутренних ресурсов. На кумыкском языке говорят в ряде крупных селений предгорной и равнинной зоны Дагестана, Чеченской республики и Северной Осетии–Алании.

На рубеже XVIII – XIX вв. потомственные аристократы большей части гор и предгорий Дагестана, – ханы и беки, являясь с детства двух- или даже трёхязычными, хорошо владели кумыкским языком, как, кстати, и князья Турловы-Чеченские, чей корень шёл из Гумбета. Это имело место, правда, наряду с фактором аварского языка – как «языка» дагестанского «войска» (*бол мацI*) (здесь и далее – курсив наш).

Хорошим – отмеченным русскими (военными и учёными-кавказоведами), – примером служить может здесь Мехтула (Буйнакский, Левашинский, Карабудахкентский районы РД, как и сел. Гергебиль), где князья-правители держали ставки свои среди левашинских аварцев (Охли – «Тронное село», Урма и т.д.) и, одновременно, среди кумыков («Большой» Дженгутай, Параул и т.д.), а «трудо-вой» народ говорил по-кумыкски, по-аварски, по-татски (персидский диалект), и, вроде бы, по-даргински.

Большинство особо важных направлений и временных периодов в истории кумыкского народа, – будучи неплохо освещены русскими, европейскими и иными письменными источниками, – подвергались научному изучению с XIX в., как минимум, что имело место по причинам географического, прежде всего, характера. Такое же положение видим мы и в XX в., – судя по трудам, например, Р.М. Магомедова [1, с. 143], С.Ш. Гаджиевой [2, с. 39], и других исследователей, причем, как объёмистых монографий и ценных брошюр, так и фундаментальных статей обобщающего характера [3, с. 408]. Заслуживает особого упоминания здесь книга К.М. Алиева, опубликованная в начале XXI в., где представлены изыскания в области генеалогии кумыкской наследственной аристократии [4, с. 54], хотя есть ещё, над чем следует подумать в аспекте следования принципу исследовательской объективности. Она весьма ценна так же, как носитель информации, во-первых, о тех зонах давнего расселения кумыков, – на Северном Кавказе – которые находятся за пределами Республики Дагестан; во-вторых, как сочинение, где привлекаются материалы, которые остались вне поля зрения исследователей, названных выше.

Благодаря монографиям, брошюрам и статьям учёных, которые здесь отмечены, как и трудам других авторитетных исследователей, узнали народы о правовом мире и о социально-политическом строе, существовавшем у кумыков в прежние времена, как и многих фактах из их политической и военной истории. Это имеет место, причём с учётом зонально-регионального фактора.

Кумыкское общество, будучи сложным и продуманно организованным, – с давних, причём, времён, – должно было регулировать время от времени различные вопросы внутреннего, как и иного, можно сказать, характера, возникавшие в среде народа. Делалось это, соответственно, при опоре на древние правовые – как говорят, во многом по привычке, на «адатные», – нормы, которые называли кумыки термином *ольгю* [5, с. 82]. Последний, к сожалению, вытесняется ныне из устной речи, причём все больше и больше, арабским словом «адат».

Говоря о традиционном праве кумыков, сказать следует, первым делом, что в 40-е года XIX в. записаны были – на русском языке, – отдельные нормы его, то есть *ольгю*, а сделано это было М.Б. Лобановым-Ростовским (род. 1819 г.), служившем в Дагестане с 1842 г. [6, с. 27, 43, 49, 61, 75]. Труды последнего, кстати, получили ныне широкую известность среди мыслящей части дагестанцев, что имеет место благодаря С.Ш. Гаджиевой, которая упомянута выше. Справедливым будет отметить здесь, что с именем названного представителя древнего рода князей Ростовских «связано», по мнению С.Ш. Гаджиевой, «начало изучения кумыкского народа», проводимого и сейчас «российской исторической наукой» [6, с. 5, 12].

Упомянем здесь, далее, что дошли до наших дней материалы, историко-юридического характера, зафиксированные на русском – опять же – языке, которые собрал, а затем подготовил для печати А.В. Комаров (род. 1823 г.). Это был, кстати, кавказовед, находившийся на Кавказе с 1856 г., первоначально военнослужащий, выросший со временем до звания генерала Императорской армии [7, с. 183].

Материалы, которые здесь названы, хранились и хранятся в Тбилиси, в собрании, известном как «Архив наместника Кавказа» [7, с. 213]. Лежали они там, причём под названием «Сборник адатов Шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского» [7, с. 183].

Известный дагестанский историк 2-й половины XX в., политик республиканского уровня, а также авторитетный юрист-практик, Х.-М.О. Хашаев, публикатор указанного «Сборника...», – кос-

нулся названия данного материала. Так вот, написал он, что указанный текст, хотя и «озаглавлен» в тбилисском архиве «как адаты», но фактически это – «Судебник шамхала Тарковского и хана Мехтулинского» [7, с. 214].

Х.-М.О. Хашаеву доступен был, следует отметить в свете сказанного, относительно судебного из тбилисского архива, объемистый арабский текст историко-правового содержания. Озаглавлен последний так: «Это – разъяснение о дагестанских обычаях (*расм*)» [7, с. 215], что понять может современный араб, однако, и несколько иначе, а именно, как: «дагестанские церемонии» или «... ритуалы».

Начинается текст, который обнаружен в вышеуказанном архиве, так: в данном собрании материалов по традиционному праву выделяются «семь глав», из которых «первая» представляет собой «разъяснение касательно убийств и ранений, где имеется пятьдесят три» абзаца; вторая «глава – разъяснение касательно воровства, где имеется пятнадцать» абзацев, ну и т.д. [7, с. 215]. В конце всего обозначенного текста, полученного из Тбилиси, имеющего историко-юридическое содержание, сказано, что это – арабский текст, рассказывающий о «дагестанских обычаях», переписан в месяце *джумада ал-уля* 1287/1871 года, причём рукой «ученика» по имени Абдурахман, являющегося сыном Калбузара Кафыркумукского (*Къумукъ*). Сделал же он это ради «Акая», – отца казанищенца Абусупьяна, известного среди дагестанцев книгоиздателя, действовавшего в начале XX в., который являлся тогда руководителем (*имам*) медресе, которое стоит в сел. «Кафыркумук».

Алибеков Манай (род. в 1861 г.) был родом из Аксая (*Яхъсай*; авар. *Яхсиб*), который считался в XVII–начале XIX вв. одним из «городов» Северо-Восточного Кавказа. Стоял он тогда на территории нынешнего Новолакского района РД, на месте современного сел. Тухчар (авар. *Кижани*), где до 1944 г. жили бильтоевские чеченцы, пришедшие туда в XIX веке из Ножайюртовского района Чеченской Республики, после известного разгрома «старого» Аксая имперским войсками и запрета аксаевцам возвращаться на родные пепелища. Он, то есть Манай, задумался над тем, что «адаты» северных «кумыков», причём как «старые», так и относительно «новые», могут быть, в конце концов, «заброшены» кумыкским народом, и, как результат, «забудутся вовсе». Это произойти может после того, например, как «люди, знающие» такие «адаты, умрут» [8, с. 2, 3]. Во избежание обрисованной здесь беды М. Алибеков догадался тогда опросить нескольких северных кумыков – лиц знатных (*озден*) и уважаемых в народе.

Выделил здесь Манай: аксаевца Г. Бекмирзаева, в прошлом офицера, служившего в своё время в Петербурге, а позднее – в Эндиреевском «Народном суде», где дела решались российской властью, но по «местным адатам». Далее выделил Манай аксаевца А. Ачаканова, сына российского офицера, «изучившего», возможно, что по поручению начальства, «адаты» кумыкской аристократии (?), причем

являлись они оба (в разное, правда, время – ?) «депутатами Народного суда», а поэтому, как написал М. Алибеков, вполне возможно, что «со смертью» лиц, «подобных Ачакану, ... умрут и адаты» северных кумыков. Далее опросил Манай «кумыкского» узденя А. Умаханова, который специально «изучал» кумыкские «адаты» и, как результат, после работы «депутатом» в названном выше суде стал «авторитетом, в области... адатов».

М. Алибеков – тот, чей труд доступен нам сегодня в переводе с кумыкского, который выполнил известный старому Дагестану Т.Б. Бейбулатов, – пишет, что, работая над своей брошюрой, известной как *Адаты...*, опирался он, кроме источников устного характера, ещё и на письменный материал. Называет же Алибеков тут конкретно: «старинные книги и рукописи», которым угрожали, в начале XX в., «уничтожение, потеря и порча». Использовал, причём, этот автор (ум. в 1920 г.), принадлежавший, как отмечено выше, к числу северных кумыков, такой ценный для науки материал, так же, как «судебные дела», попавшие в его руки [8, с. 3, 29].

Мы видим, таким образом, что об обычном праве (*ольгу/адат*) кумыков информация имеется. Она весьма обильная, нужно сказать, и интересная для науки, но, к сожалению, поздняя – на фоне того, что сохранилось у горцев Дагестана [9, с. 71]. В нашей же публикации выставляется на суд читателей письменный памятник, составленный и записанный на арабском языке, который даст самое древнее – на сегодня – представление о нормах обычного права, существовавшего у кумыков, а также о самом праве как определенной системе.

Памятник права кумыков эпохи кавказского Средневековья, которому посвящена эта наша статья, записан на одном из листов старинной арабской рукописи, – создана она, между прочим, в даргинской этнической среде, – хранящейся в Рукописном отделе Института ИАЭ ДФИЦ АН РФ (Ф. 14, №2387). Рукопись эта (бумага, черные чернила, тростниковый *калам*, почерк *наسخ*) называется *Зикр ал-мавт* и входит в собрание «Книг», именуемое *Ихйа улум ад-дин*, автором чего является Абу Хамид ал-Газали (ум. в 1111 г.) – знаменитый ученый мусульманского Востока.

Переписал данный список *Зикр ал-мавт* «Йунус Кубачинский (*ал-Кубаши*)». Совершил же он это «в благословенном месяце *раджаб* восьмисот семьдесят второго (1467/68) года».

На одном из последних листов указанного здесь списка *Зикр ал-мавт* – на свободном ранее пространстве, – написан арабский текст, который является уникальным для истории права и правовой мысли кумыков эпохи кавказского Средневековья. Это, конечно, копия, которая снята с более древнего списка данного текста, но при этом весьма старая, датируемая, судя по внешним признакам, XVIII в. Мало того, вполне может быть, что она даже более старая, а именно датируемая рубежом XVII – XVIII вв.

Текст «Обещания» Келемета и Алупкача, который приведен выше, нуждается, понятно,

в более или менее точной датировке. Для этого сделаем, первым делом, научное описание этого «Обещания», а фактически *Договора* двух кумыкских князей.

Написан *Договор* по-арабски, на листе вышеупомянутой рукописи 2-й половины XV в., которую создала рука кубачинского даргинца; тростниковый (?) *калам*, черные чернила (*шакъи*), почерк *наسخ*. Текст *Договора* частично согласован и снабжен подстрочными – вспомогательными, как принято говорить, – значками, появившимися среди неарабов, которые писали и читали по-арабски.

В монографии К.М. Алиева имеется ценный материал для решения вопроса датировки «Обещания», то есть *Договора* двух кумыкских князей. Названный дагестанский историк, проработавший большое количество письменных источников различного происхождения, установил, что у Илдаршамхала (1623-1635 гг.), который поддерживал связи с элитой сефевидского Ирана, он, между прочим, проживал по преимуществу в Тарках, похоронен был в даргино-лакском Казикумухе [10, с. 161, 213], но поддерживал при этом связь с горными даргинцами [11, с. 167], один из сыновей носил старотюркское имя «Алыпкач» (*алп* «герой») [4, с. 80, 176]. Местожительством этого Алыпкача (упоминается он под 1633 г., причём как заложник – *аманат*, находившийся у русских) [12, с. 110, 111] было, по мнению К.М. Алиева, кумыкское сел. Агач-аул [4, с. 60, 176], расположенное рядом с г. Махачкалой. Далее отметим, что под 1719-1721 гг. упоминается, – в архивных материалах о русско-дагестанских отношениях – «знатный» человек по имени «Мухаммад-бек», являвшийся сыном «Алыпкача», которого называл Адилгерей-шамхал (1719-1725 гг.), своим «двоюродным братом» [12, с. 228, 231, 232-234, 239]. Сделал же шамхал это, причём, в «донесении» своем на имя царя Петра I [12, с. 228].

В упоминающейся выше монографии, написанной К.М. Алиевым, говорится, далее, что таркинец Сурхай-шамхал (1641-1668 гг.) [4, с. 102, 107; с. 176], являвшийся сыном известного историографии князя Гирея Тарковского (1609-1614 гг.), имел сына от знатной ногойки [4, с. 60, 175, 176]. Носил последний имя «Келемет» (в некоторых источниках: «Гюл-Мухаммад»). Фиксируется же этот Келемет – русским архивом – под 1638 г., причём в статусе аманата, находящегося при русских [4, с. 60, 69, 70; 12, с. 149].

Как пишет К.М. Алиев, от князя Алупкача «Илдаршамхалова» происходили знатные кумыки XIX – начала XX вв., носившие фамилию «Алыпкачевы». Проживавшие в кумыкском сел. Агач-аул владели они там обширными землями [4, с. 70, 71].

От князя же Келемета «Сурхайшамхалова» происходила известная в XIX – начале XX вв. фамилия капчугайцев «Казаналиповых». Один из них – носитель имени «Асильдар» (ум. в 1928 г.) – считался как бы придворным императора великой России [4, с. 69].

В свете приведенных выше фактов возникает мысль, что «Обещание», то есть княжеский «Дого-

вор», следует датировать временем правления эндиреевца Айдемир-шамхала (1635-1641 гг.), который известен кавказоведению тем, что был «выбран» – согласно «обычаю», – на шамхальство в горном «Казикумухе», после чего розданы были там «подарки» местной военной служилой знати – точнее, «узденям» [12, с. 136; 10, с. 214].

Появление «Обещания» заставляет полагать, что на землях, которые тяготели к Таркам, возникла своеобразная ситуация. Она затронула правовые, уголовно-правовые, прежде всего, вопросы, касавшиеся жизни средних слоёв в структуре кумыкского народа в правление названного эндиреевца.

Старейший – на сегодня, – памятник права, записанный по-арабски в кумыкском обществе, датировать следует, таким образом, временным промежутком между 1635 г. и 1641 г.

Для наглядности и полноты анализа приведем текст *Договора* в нашем переводе. Следует заметить, что разбивка анализируемого арабского текста на фразы, как и нумерация их, произведены авторами этой статьи.

Перевод текста. «Это – разъяснения, как, одновременно, и аргумент, которые сделаны для будущих времен!

Кел-Мамат и Алупкач (Алупкъач) дали обещание, касательного того, что может произойти в двух их селениях:

1) Если кто-либо, обитающий в селении Кел-Мамата, украдет [животное] из селения Алупкача, – коня ли, быка ли, овцу ли, – то возьмёт Кел-Мамат одного быка с человека, который совершил кражу, но будет взято [с него] это в качестве [штрафа].

2) Если кто-либо обитающий в селении Алупкача, украдет [из селения Кел-Мамата], – коня ли, быка ли, овцу ли, – то возьмёт Алупкач с человека, который совершил кражу, одного быка, но будет взято [с него] это в качестве [штрафа].

3) Если будет [зафиксирован] долг, лежащий на ком-либо, обитающем в селении Кел-Мамата, то *ишкил* будет взят в селении Кел-Мамата.

4) Если будет [зафиксирован] долг, лежащий на ком-либо, обитающем в селении Алупкача, то *ишкил* будет взят в селении Алупкача.

5) Будет так, если *парша* (?) передвинулась с одной стороны на другую сторону.

6) Кел-Мамат и Алупкач дали обещание: если кто-либо, выйдя за пределы одного из двух селений, находящихся [под властью] их обоих, убьёт [там] кого-либо, проживающего в другом селении, то на [всё] селение – будь это селение Кел-Мамата, или же, будь это селение Алупкача, – наложен будет *дият*.

7) Если кто-либо убьёт [боевого –?] коня, то на два селения, – на то [селение, точнее,] где [проживает сделавший это,] – будь это селение Кел-Мамата или будь это селение Алупкача, – наложена будет стоимость (*кима*) такого коня.

8) Если кто-либо не выйдет [по тревоге], то на такого человека будет наложен один бык, что сделают в качестве [штрафа].

9) Если будет что-либо украдено и вывезено за пределы [селения –?], то будет наложено на вора, чья личность [установлена,] возвращение стоимости украденного, а также, наложен будет на [вора] один бык, причем трехлетка, который пойдет в пользу хозяина украденного имущества, но будет это в качестве уже [штрафа], причитающегося ему.

10) Если убийце, [изгнанному – по общему согласию, – на чужбину] встретится родня (*ашира*) человека, убитого им, и люди эти, обстреляют тут встреченного ими убийцу, то на того, кто выстрелил в него [первым –?], наложен будет один бык, причём в качестве [штрафа].

11) Если кто-либо убьет кого-либо другого, то на селения, находящиеся под [властью] Кел-Мамата и Алупкача, – [без разницы живет ли в них убийца или жил там убитый,] – наложена будет... того, что сеют и того, что жнут.

Конец!»

Анализ отдельных статей *Договора* позволяет сделать некоторые комментарии и выводы.

Во-первых, статьи *Договора* № 1, 2, 9 посвящены краже. Речь идет, причем, о движимом имуществе (овца, конь, бык). В настоящее время его стоимость может быть от 10000 до 100000 руб. Так вот, согласно шариату, будет это – преступление, относящееся к категории *хадд* (араб. «предел»), которое не может быть заменено штрафом. Наказанию при этом не подлежат – согласно шариату – подростки, душевнобольные, люди, которых кто-то принудил к совершению кражи.

Воровство, кстати, приравнивается, с точки зрения юридической категории, к прелюбодеянию, педерастии, употреблению вина и т.д. Наказано должно быть воровство, но касается это предмета, не совсем уже дешевого, – обладающего более или менее ощутимой ценностью (3 дирхема), – отсечением кисти правой руки. Это – на первый раз; отсечением стопы левой ноги – на второй раз; отсечением кисти левой руки – на третий раз.

По адату кумыков, – тому, который вел своё происхождение, согласно рассказам стариков XIX в. из сел. Эрпели, стоящего на территории нынешнего Буйнакского района РД, у них существовало понятие «воровские дела». Разбирали же такие «дела» по адату [6, с. 63, 65–67].

В *Сборнике адатов Шамхальства Тарковского*... говорится о «воровстве» весьма много [7, с. 202], но про отрезание у вора кисти одной руки или стопы, чего требует шариат, нет – в данном источнике – ни слова.

Адаты кумыков, которые увидели свет за авторством аксаевца М. Алибекова, имеют параграф: *адаты, относящиеся к воровству*. В них описывается то же, примерно, что и в материалах, которые упоминаются выше. Об отрезании конечностей, чего требует шариат, в них, таким образом, также не говорится.

Итак, текст *Договора* свидетельствует, что в дагестанском Предгорье среди кумыко-язычного населения воровство скота, причём как мелкого (овец), так и крупного (быков, коней), существова-

ло и тогда. Потомственные аристократы, выступавшие тогда в роли правителей, старались бороться, отражая общественный запрос, с названным уголовным преступлением, которое встречалось тогда в кумыкской среде, но делали они это с опорой на местную разновидность традиционного права (кум. *ольгю*; араб. *адат*, *расм*, *урф*). Нормы же шариата в кумыкских селениях дагестанского Предгорья XVII в., которые указаны в разбираемом здесь тексте (Агач-аул и Капчугай), в случае воровства не применялись.

Во-вторых, статьи 6, 10, 11, находящиеся в составе публикуемого здесь арабоязычного источника, то есть «*Обещания*», а, точнее, *Договора* князей посвящены убийству, что относится – согласно шариату – к категории *кровных дел*, которые наказуемы либо кровомщением (*кысас*), либо взятием виры (*дият*). Взымается последний, причём, с убийцы, а внесение его гарантирует семью преступника.

Наказание – кровомщение – должно падать по шариату, только на убийцу, а не на его родственников, что в давние времена практиковали арабские язычники. Так же поступали, между прочим, и те дагестанцы, которые приняли ислам относительно недавно – подобно, например, аварцам XIII–XIV вв. – и были, следовательно, мусульманами только на словах, а не по стилю своей жизни.

Правом осуществлять кровомщение обладала на мусульманском Востоке местная власть, а у дагестанцев, вдобавок к носителю такой власти, – имела названное здесь право близкая родня убитого. Шариат, причём, поощряет тут добровольную замену кровной мести: на получение – пострадавшей стороной – «цены крови (*дият*)», то есть виры. Отметим нужно здесь и то, также, что убийства – согласно шариату, – бывают как преднамеренные, так и нет. Это призывалась, кстати, и в Дагестане, с весьма давних, причём, времён.

В «адате» кумыков, который вел происхождение своё, согласно одной из версий из сел. Эрпели, убийство отмечено. «Убийство» считалось в данном источнике одним из «главных преступлений».

В *Сборнике адатов шамхальства Тарковского*... есть глава о *смертоубийстве*. Отметим здесь нужно, в первую очередь, то, что в тексте данного *Сборника* убийства, произошедшие в кумыкской среде, делятся – подобно тому, как требует шариат, на «умышленные» (у арабов – *тааммуди*) и на произошедшие «по неосторожности» или «по случайности», то есть «совершенные» как бы «по ошибке» (араб. *хата*). Материал *Сборника*... говорит, что в качестве наказания применялось кумыками Шамхальства и Мехтулы, как и другими шамхальцами и мехтулинцами, изгнание из родных мест убийцы, а «вместе» с ним ещё шести тыс. чел., происходящих из числа его близких родственников. Уходили они на чужбину, причём, в статусе «кровных врагов». Это, в свою очередь, означало, что убийство любого такого человека – при случайной встрече его где-либо – считалось безнаказанным.

В *Адатах кумыков*, собранных М. Алибековым (ум. в 1920 г.), написано про убийства много интересного. Это, однако, тот, вроде бы, случай, когда убийство происходило в среде непростых (по статусу) кумыков, а между людьми благородных кровей и, соответственно, состоятельных, то есть узденей [8, с. 4].

Из текста разбираемого здесь «Обещания», то есть *Договора* двух *биев* – князей, изложенного по-арабски, вытекает, как видится, что ко времени правления Келемета и Алупкача (примерно, 1-я половина XVII в.) в кумыкских селениях дагестанского Предгорья шариат практически подавил древнюю – языческую – норму безграничной кровной мести.

Народ – может быть, что в силу своих этнических корней – был уже готов, вроде бы, к решению вопроса о наказании за убийство: через применение шариатской нормы *дият*. Означает это – согласие на получение тут виры/цены крови, то есть на полный отказ пострадавшей стороны от её законного права на кровную месть, хотя нормы мусульманского права и допускают последнюю.

В-третьих, *ишкил* – правовой термин, генезис которого все ещё, вроде бы, не установлен исторической наукой, при обязательной опоре на филологию. Он, при этом, давно и хорошо известен, причём по письменным памятникам, которые составлены по-арабски, но на землях дагестаноязычных народов. Названный термин толкуют обычно как право кредитора на временное задержание любого жителя местности – той, откуда происходит должник, или же на временный арест имущества, при-

надлежащего последнему. Арест – человека или имущества – продолжался, причём, вплоть до уплаты долга [7, с. 277].

В-четвертых, статья 8 известна кавказоведам по Своду решений, обязательных для жителей Андалальского округа. Там, как и в тексте анализируемого «Обещания» / Договора (XVII в.), говорится, что в Андалале (XVII в.), был установлен такой порядок: если кто-то из андалальцев «не примет участия в тревоге», то «взыскивается» с него «штраф в размере одного быка»; а если «одно из андалальских селений не примет участия» в общей «тревоге, то с жителей его взыскивается 100 баранов» [7, с. 62, 67].

В заключение отметим, договор между Келеметом и Алупкачем – князьями владений Капчугай и Агач-аул, входящими в шамхальство Тарковское – является старейшим арабоязычным памятником права, составленным в кумыкском обществе (примерно 1635–1641 гг.).

Договор указывает на наиболее существенные для того времени преступления (кража, убийство) и регулирует внешние отношения кумыкских сел друг с другом, что может свидетельствовать о попытке установления сторонами единообразия судебной практики, вызванной необходимостью предотвращения конфликтов. Его основой, прежде всего, являются нормы обычного права Дагестана, для которых характерна казуистичная форма изложения: в документе подробно описываются действия, которые считаются нарушением, рассматриваются конкретные ситуации.

Список источников

1. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. С. 143-199.
2. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Махачкала, 1961. С. 39-61.
3. Бартольд В.В. Дагестан // В.В. Бартольд. Сочинения. Москва, 1965. Т. III. С. 408-418.
4. Алиев К.М. Шамхалы Тарковские. Махачкала, 2008.
5. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним / сост. А.В. Комаров; подгот. к изд. и предисл. М.А. Исмаилов. Махачкала, 2009. 206 с.
6. Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков от 1843 года / М.Б. Лобанов-Ростовский; предисл. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2002. 80 с.
7. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы / Акад. наук СССР. Дагест. филиал; сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. Москва: Наука, 1965. 279 с.
8. Алибеков Манай. Адаты кумыков / подг. Р.П. Гарунов. Хасавюрт, 1994.
9. Айтберов Т.М. О древнейших формах обычного права в Дагестане и об актуальных проблемах его изучения. Махачкала, 2004. С. 71-77.
10. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Москва: Наука, 1966. Ч. 1. 300 с.
11. Айтберов Т.М. Аваристан и авары в далеком прошлом. Махачкала, 2022. Ч. 1.
12. Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

References

1. Magomedov R.M. Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroi Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov [Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII – early XIX centuries]. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ., 1957, pp. 143-199. (In Russ).
2. Gadzhieva S.Sh. Kumyki [Kumyki]. Makhachkala, 1961, pp. 39-61. (In Russ).
3. Bartol'd V.V. Dagestan [Dagestan], V.V. Bartol'd. Sochineniya [Essays]. Moscow, 1965, vol. III, pp. 408-418. (In Russ).
4. Aliev K.M. Shamkhaly Tarkovskie [Shamkhaly Tarkovsky]. Makhachkala, 2008. (In Russ).
5. Komarov A.V. Aday i sudoproizvodstvo po nim [Adats and legal proceedings on them], comp. A.V. Komarov; prepared by to the ed. and preface by M.A. Ismailov. Makhachkala, 2009, 206 p. (In Russ).
6. Lobanov-Rostovskii M.B. Kumyki, ikh nray, obychai i zakony. Opisanie grazhdanskogo byta kumykov ot 1843 goda [Kumyks, their customs, customs and laws. Description of the civil life of the Kumyks from 1843], M.B. Lobanov-Rostovsky; preface by S.Sh. Gadzhieva. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2002, 80 p. (In Russ).
7. Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII-XIX vv.: Arkhivnye materialy [Monuments of customary law of Dagestan of the XVII-XIX centuries: Archival materials], Academy of Sciences of the USSR. Dagestan branch; comp., preface and note by H.-M. Khashaev: Nauka Publ., 1965, 279 p. (In Russ).
8. Alibekov Manai. Aday kumykov [Aday Kumykov], prepared by R.P. Garunov. Khasavyurt, 1994. (In Russ).
9. Aitberov T.M. O drevneishikh formakh obychnogo prava v Dagestane i ob aktual'nykh problemakh ego izucheniya [On the oldest forms of customary law in Dagestan and on the current problems of its study]. Makhachkala, 2004, pp. 71-77. (In Russ).
10. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish languages]. Moscow: Nauka Publ., 1966, part 1, 300 p. (In Russ).
11. Aitberov T.M. Avaristan i avary v dalekom proshlom [Avaristan and the Avars in the distant past]. Makhachkala, 2022, part 1. (In Russ).
12. Russko-dagestanskii otnosheniya XVII - pervoi chetverti XVIII vv.: (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestan relations of the XVII - first quarter of the XVIII centuries: (Documents and materials)], Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR. Institute of History, Language and Literature. Makhachkala : Dagknigoizdat Publ., 1958, 336 p. (In Russ).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, доцент кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, канд. ист. наук, заместитель директора юридического института, заведующий НИЛ национальных и федеративных отношений им. проф. Р.М. Магомедова, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

Айтберов Тимирлан Магомедович, доцент кафедры истории Дагестана Дагестанского государственного университета, с. н. с. отдела древней и средневековой истории Дагестана Дагестанского Федерального Исследовательского центра РАН, кандидат исторических наук, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Associate Professor of the Department of History of State and Law of Dagestan State University, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Law Institute, Head of the Institute of National and Federal Relations named after Prof. R.M. Magomedov, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

Aitberov Timirlan Magomedovich, Associate Professor of the Department of Dagestan History of Dagestan State University, Senior Researcher of the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 04.03.2025 г.; принята к публикации 10.03.2025 г.

Received 16.12.2024; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 10.03.2025